

О.В.Гаман-Голутвина

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ: РЕТРОСПЕКТИВА

Одна из самых актуальных и дискуссионных тем отечественной политологии – участие групп интересов и групп давления в российском политическом процессе*. Содержательное и глубокое исследование этой проблемы предприняли недавно С.П.Перегудов, Н.Ю.Лапина и И.С.Семененко в книге «Группы интересов и российское государство»¹. Конечно, отечественные исследователи по-разному трактуют названные феномены. Так, авторы доклада «Проблема субъектности российской политики» полагают, что группы давления – это социально-профессиональные и функциональные объединения, воздействующие на государственную власть «в целях реализации своих корпоративных интересов, *не ставя при этом задачи завоевания власти*» (выделено мною. – О. Г.)². А исследователь отечественного лоббизма В. Лепехин пишет: «*Группы давления*» ... – *это и есть власть*. Это фактическая власть, не просто оказывающая влияние, но контролирующая финансы, кадры, прессу, процесс принятия решений и т.д.» (выделено мною – О. Г.)³.

Прояснить суть явлений может помочь анализ групп интересов и групп давления в российской исторической ретроспективе, что и является предметом данной статьи.

В качестве исходной посылки автор предлагает следующее утверждение: специфика субъектов политики обусловлена моделью рекрутирования элиты и типом развития социума⁴. В русле этой концепции важнейшее методологическое значение имеет констатация существенных различий типов модернизации России и Запада: если в новое время в Западной Европе и США сложился инновационный тип развития (экономические интересы хозяйственных субъектов совпадали с интересами государства, а импульсами развития служили внутренние экономические потребности), то на протяжении значительного периода российской истории действовала мобилизационная модель (приоритет политических факторов, внешние импульсы развития, форсированная модернизация и как следствие – преобладание жестких, авторитарных и тоталитарных, политических систем и режимов).

Политическая организация социума определяет процесс образования элит. Для выявления механизма этого процесса принципиально важным является тот факт, что мобилизационный и инновационный типы развития формируют разные системы отношений между государством и гражданским обществом. В условиях инновационного типа складываются политические системы, в которых государство и гражданское общество – равноправные партнеры, а цели и задачи социума

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-03-00231.

¹ Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

² Проблема субъектности российской политики. Доклад фонда «Реформа» // Независимая газета. 19.02.1998.

³ Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М., 1999. С.57.

⁴ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998.

акцентируются в процессе диалога между ними. Начинает действовать система эффективных механизмов влияния гражданского общества на государство, более того, гражданское общество становится субъектом государственного строительства. В этой связи еще П.Н.Милюков писал, что в России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй.

Для инновационной модели развития характерно формирование «промежуточных институтов власти» (термин Токвиля⁵), в рамках которых и возникает система политического опосредования отношений между гражданским обществом и государством – политическое представительство (электоральное, территориальное и функциональное), а вместе с ним – комплекс институтов и неинституциональных форм.

Представляется обоснованной позиция тех исследователей, которые относят к «институциональному» гражданскому обществу широкий спектр различного рода ассоциаций и объединений; современная политология определяет их как группы интересов (interest groups). В контексте нашего исследования этот термин употребляется в широком значении: группы интересов – это сообщества, объединенные «особыми связями взаимной заинтересованности или выгоды и в определенной мере осознающие это»⁶. Отсюда – партии есть частный случай групп интересов. Гражданское, территориальное и функциональное представительства интересов, активность сообществ для реализации этих интересов – таковы элементы понятия «группа интересов».

Политический процесс в условиях демократии – это сложное взаимодействие равноправных акторов, выражающих интересы государства и гражданского общества. Взаимодействие в политическом процессе различных подсистем (государство и гражданское общество) предопределяет плюралистический характер политической элиты. Логично предположить, что ее формируют высшие структуры государства и гражданского общества (суть лучше всего выражает термин Р.Даля «полиархия»). Принадлежность к элите определяется степенью вовлеченности политических акторов в процесс принятия стратегических решений.

Так как государство – важнейший субъект политического управления, то высший эшелон чиновников всегда принадлежит к политической элите. Группы интересов гражданского и политического сообществ становятся субъектами политики в той мере, в какой они выступают посредниками между членами группы и государством⁷. Они участвуют в принятии решений, когда оказывают давление на властные институты. Таким образом, с точки зрения причастности к политической элите особую роль играют группы интересов, специально создаваемые для достижения конкретных политических и экономических целей. Это – группы давления.

Среди большого числа групп давления (профсоюзы, предпринимательские организации, политические клубы, церковь⁸) наиболее значимы организации крупного бизнеса. Это предопределяет приори-

⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994. С. 482.

⁶ Шаран П. Сравнительная политология. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1992. С. 190.

⁷ Шабров О. Политическое управление. Проблемы стабильности и развития. М., 1997. С. 100.

⁸ Денкэн Ж. -М. Политическая наука. М., 1993. С. 147–157.

тет бизнес-элиты по отношению к политической и ее доминирование в системе политического представительства интересов. Отношения между государством и организованным представительством интересов крупного бизнеса многообразны и включают как институциональные формы, так и неформальные контакты.

Проблема связи государства и крупного бизнеса есть проблема взаимодействия политической и экономической элит. В условиях инновационной модели главенствует экономическая элита. При этом обе они имеют дисперсный, плюралистический характер: экономическая элита – это разветвленная система бизнес-корпораций, политическая – сложное образование, в состав которого входит высший истеблишмент государства и гражданского общества.

Ориентацией на экономическое развитие объясняется приоритет «элиты крови» (аристократии) на ранних стадиях и «элиты владения» (финансово-промышленной олигархии) на этапе индустриальном. Доминирование экономической элиты означает ее ключевую роль в принятии стратегических решений в сфере политического управления в целом, а также формирования персонального состава высшего эшелона власти. Первое лицо государства – его глава – в этом случае выступает лишь как первый среди равных.

Описанная выше модель элитообразования, характерная для Западной Европы и США, кардинально отлична от сложившейся в России, в которой господствует мобилизационный тип развития. А это значит, что приоритет всегда у политики, а не у экономики. В жестких – авторитарных и тоталитарных – политических системах и режимах отсутствуют или неэффективны механизмы воздействия гражданского общества на государство, политическое управление растворено (полностью или частично) в административном, а в качестве монопольного субъекта управления выступает государство. Следовательно, политическая элита формируется в лоне государственных структур и состоит из высшего эшелона административно-политической иерархии. Монополия государства на политическое управление предопределяет монолитную структуру политической элиты.

Сложившаяся в условиях мобилизационного развития модель элитообразования функционировала в российской истории всегда. По этой модели рекрутировался правящий слой Киевской Руси (боярство), Руси удельной (за исключением вольных городских общин Великого Новгорода и Пскова, где элиту составляла торгово-промышленная олигархия), дворянство и бюрократия Российской империи. Этот же принцип лег в основу формирования советской номенклатуры.

Сегодня традиционная для российского общества модель образования элит меняется: происходит сложный и нелинейный переход от бюрократического принципа элитного рекрутирования к олигархическому, плюралистические группы экономической элиты вступают во взаимодействие с политико-административной бюрократией. Политический истеблишмент складывается в процессе соперничества экономических кланов. Реформы 1990-х годов трансформировали мо-

дель элитобразования более значительно, чем большевистский переворот 1917 г. Тогда традиционная для России модель изменила лишь внешний облик, сохранив принципы формирования.

Конечно, в реальном политическом процессе жесткой дихотомии и «химически чистых» воплощений тех или иных схем не существует. Речь идет о *преобладающих тенденциях*. Поскольку историческая реальность богаче любых схем, тезис о решающей роли административно-политической бюрократии в российской исторической ретроспективе нуждается в более подробном анализе.

* * *

Модернизация по мобилизационному типу, то есть для достижения чрезвычайных целей в чрезвычайных обстоятельствах, была сопряжена с усилением позиций государства, ослаблением политического потенциала групп интересов и антикорпоративистской политикой верховной власти, жестко подавлявшей субэлитные образования, возникавшие в рамках правящего класса. Экономический подъем государства, сопровождавшийся активностью хозяйствующих субъектов в качестве агентов модернизации, соответственно, укреплял позиции групп интересов и групп давления.

Первые группы интересов в России возникли в ходе реформ 1860–1870 годов. Следует подчеркнуть, что преобразования этих лет были в русле традиционной для мобилизационного типа развития модели модернизации. Несмотря на буржуазный по своим целям и задачам характер реформ, *не буржуазия, а бюрократия* (точнее, либеральное крыло бюрократии) стала главным их творцом. Успех политической модернизации буржуазного типа в России предопределил и агента модернизации: произошла не только смена персонального состава высшей администрации (постепенное вытеснение консерваторов и укрепление позиций либерально настроенного нового поколения бюрократии), но и некоторая трансформация самой модели элитобразования.

Буржуазные реформы неизбежно сопровождаются выходом на политическую сцену экономических субъектов. В период правления Александра II впервые в российской истории формируются сообщества, представляющие экономические, профессиональные или политические интересы. Произошло размывание монолитной прежде элиты за счет образования в ее рамках групп экономических интересов, ставших затем политическими акторами. Именно в этот период началась медленная эволюция российской мобилизационной модели элитобразования и возникли характерные для политической системы инновационного типа структуры – группы интересов и группы влияния.

Надо сказать, что высший эшелон российской бюрократии не был гомогенным, поскольку патрон-клиентные отношения существовали всегда⁹. Однако принципиальная новация политико-экономической модернизации 1860–1870-х годов заключалась в том, что наряду с

⁹ Подробнее о природе и роли патрон-клиентных отношений см.: Афанасьев М. Клиентелизм и российская действительность. М., 1997.

клиентами появились *сообщества, основанные на осознании единства групповых интересов* и преодолевшие рамки персонифицированной лояльности тому или иному лицу в структуре высшей иерархии; устойчивость вновь образовавшихся групп не была жестко увязана со сроком пребывания лидера группы на своем посту.

Можно выделить два доминирующих принципа, вокруг которых начал структурироваться российский политический класс, – *профессиональный* и *идеологический*. Первый предполагал консолидацию влиятельных лиц высшего и среднего звена управленческого аппарата на основе общности *профессиональных* и *политических* целей и ценностей. Соответственно, второй – объединение на *идеологических* основаниях.

Роль групп интересов в российской политической системе напрямую зависела от позиции верховной власти. Чтобы расширить свое влияние, они прибегали к двум стратегиям. Первая (принесшая успех великому князю Константину Николаевичу в начале правления Александра II, а также активно практиковавшаяся П.А.Шуваловым в конце 1860-х годов) предполагала назначение на ключевые посты собственных сторонников (министерство внутренних дел, финансов, юстиции, просвещения, военное и морское ведомства), ослабление позиций конкурентов в иных сферах и создание таким образом своего рода «объединенного правительства». Другая стратегия исходила из предпочтительности позиции «серого кардинала» и не без успеха практиковалась П.А.Валуевым и Д.А.Милютиным.

Процесс институционализации групп интересов в условиях архаичной российской политической системы шел медленно, через промежуточные стадии, когда на основе личной лояльности высокому патрону формировались объединения, постепенно обретающие черты идеологического или политического сообщества. В качестве примера подобной переходной формы консолидации можно назвать группу «константиновцев» – сторонников брата императора Александра II великого князя Константина Николаевича, одного из идейных вдохновителей реформ 1860–1870-х годов. Он длительное время возглавлял Морское ведомство; в 1865–1881 гг. был председателем Государственного совета, убежденным сторонником либеральных преобразований и покровителем либеральной бюрократии. В первый период правления Александра II «константиновцы» стали наиболее влиятельной группировкой в среде властной элиты. Ряд сотрудников великого князя с его помощью заняли ведущие позиции в истеблишменте: А.В.Головнин, в молодости адъютант великого князя и редактор «Морского сборника», стал министром просвещения; Д.Н.Замятнин – министром юстиции; М.Х.Рейтерн – министром финансов; Н.К.Краббе возглавил военно-морской флот. Из 50 человек, игравших видную роль в разработке крестьянской реформы, 20 так или иначе были связаны с Русским географическим обществом, где председательствовал великий князь. После событий 1863 г. (польское восстание) и 1866 г. (покушение Д.Каракозова на жизнь Александра II), ставших в глазах импера-

тора доказательством ошибочности либерального курса, Константин Николаевич потерял политическое влияние, на два года был отстранен от председательства в Государственном совете. Однако утрата великим князем лидерства не сказалась на служебном положении его выдвиженцев. Группировка переросла рамки клиентелы и обрела черты политико-идеологического сообщества.

Примечательно, что и возникшие в высшей административной среде, и складывавшиеся за ее пределами объединения не были организационно оформлены – прежде всего вследствие глубокого недоверия верховной власти к каким бы то ни было организациям, потенциально имевшим политическую направленность. В XVIII в. существовало лишь несколько обществ, официально признанных правительством, самым влиятельным из которых было Вольное экономическое общество. Но и его деятельность, и деятельность схожих с ним объединений находились под неусыпным правительственным контролем. Некоторая либерализация отношения власти к общественным организациям в начале правления Александра I быстро прошла. В середине XIX в. лишь Русское географическое общество имело небольшой политический потенциал. Однако попытки осторожной реализации этого потенциала привели к серьезным гонениям со стороны власти даже в период реформ 1860-х годов, а законодательного оформления деятельности общественных объединений не произошло.

Из числа организаций, представлявших групповые интересы вне высших сфер власти, в 1860-е годы официальный статус получили Российское технологическое общество и Общество содействия российской промышленности и торговле. Их умеренная критика правительства никогда не выходила за рамки официальной лояльности. Поскольку столичные общественные объединения жестко контролировались правительством, не удивительно, что деятельность формировавшихся на региональном уровне сообществ носила ограниченный и кратковременный характер.

Тем не менее начало институционализации групповых интересов в период реформ 1860–1870-х годов связано с появлением массовой общероссийской прессы. От тотального контроля всех печатных изданий правительством через период некоторой анархии и неразберихи в вопросах регулирования государство пришло к подконтрольности печатных органов группам давления, сложившимся в высших эшелонах власти. Влиятельные группировки в полной мере осознали политический потенциал прессы и стремились иметь собственные издания или добиться поддержки уже существующих.

Поскольку государство господствовало в политической жизни, не удивительно, что самыми влиятельными были группировки, сложившиеся в среде высшей бюрократии и аристократии. В качестве наиболее сильных групп интересов американский исследователь А.Дж.Рибер называет «экономистов», «инженеров», «военных» и группу П.Шувалова¹⁰. При всей условности этой классификации и еще большей условности ее определений можно согласиться с

¹⁰Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. Под редакцией Захаровой Л., Эклофа Б., Буинелла Дж. М., 1992. С.44–45

А.Дж.Рибером в том, что в процессе политической борьбы вокруг концепции реформ выкристаллизовывались протолоббистские группы, позиции которых наложили несомненный отпечаток на модернизацию. Это означало важный шаг к модели элитообразования инновационного типа.

Суть позиций вышеназванных групп можно охарактеризовать следующим образом. Группа «экономистов» – специалистов в области финансов и статистики во главе с министром финансов М.Х.Рейтерном выступила за перераспределение полномочий между государством и группами влияния в сфере экономики в пользу последних, что неизбежно должно было изменить структуру элитной диспозиции: верховная власть перестает быть «направляющей силой» процесса модернизации, который регулируется согласованными действиями ведущих экономических групп. Иллюстрацией могут служить обращенные к императору слова видного государственного деятеля П.Валуева: «Одного росчерка пера Вашего величества достаточно для того, чтобы отменить весь Свод законов Российской империи, но никакое высочайшее повеление не сможет ни поднять, ни понизить курс государственных кредитных бумаг на Санкт-Петербургской бирже»¹¹. По существу предложения «экономистов» в области налогообложения, финансов, банковского дела, тарифов, железных дорог и внешней торговли с течением времени стали официальной государственной политикой. Если учесть, что деятельность «экономистов» была и лоббистской в пользу частного капитала, то можно констатировать, что они представляли собой группу влияния.

Наиболее отчетливо позиции «экономистов» заявлялись по поводу железнодорожного строительства, которое было ключевым для экономической модернизации страны. Считая его инструментом увеличения российского экспорта, а значит, средством обеспечения активного торгового баланса и дальнейших инвестиций, «экономисты» были последовательными сторонниками передачи железнодорожного строительства в частные руки. Справедливо полагая, что осуществление этого курса возможно лишь в стабильной финансовой ситуации, Рейтерн считал необходимыми меры по обеспечению форсированных финансовых накоплений. Стремлением пополнить госбюджет было продиктовано, в частности, «подсказанное» Рейтерном и принятое Александром II в глубочайшей тайне решение о продаже Аляски, хотя вырученная сумма – 7 млн. долл.¹² – вряд ли могла существенно улучшить финансовое состояние государства.

Группа «инженеров» во главе с министром путей сообщения П.П.Мельниковым отстаивала необходимость сохранения ключевых позиций государства в таком стратегически важном вопросе, как строительство железных дорог. Можно сказать, что «инженеры» были сторонниками российской версии «моральной экономики» – системы взглядов, согласно которой экономическая деятельность должна быть ориентирована не на извлечение прибыли, а на удовлетворение потребностей общества. Убежденные в необходимости сохранения

¹¹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 325.

¹² Болховитинов Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1876. М., 1990. С. 202.

контроля государства над ключевыми отраслями экономики, они вовсе не были монолитным сообществом, расходясь по конкретным вопросам, касающимся, например, стратегических направлений железнодорожного строительства. Экономическая философия «инженеров» была органична служилой сути российского государства и соответствовала традиционной политике российских самодержцев.

Солидарно с «инженерами» по целому ряду вопросов, и прежде всего по вопросам железнодорожного строительства, выступала группировка «военных» во главе с военным министром Д.А.Милютиним. «Военные» считали предпринимателей мошенниками, набивающими карманы деньгами, украденными из казны, и обвиняли их в том, что они взвалили на плечи государства дурно построенные, не приносящие дохода и не имеющие необходимой пропускной способности железные дороги, да еще требуют за это выплаты процентов на вложенный капитал.

Несмотря на поддержку Александра II, стратегия Рейтерна не принесла ожидаемых результатов: темпы и качество железнодорожного строительства не соответствовали потребностям страны. Причин тому было две. Прежде всего не хватало денег: решение об участии России в войне 1877–1878 гг. сорвало планы валютно-финансовой реформы Рейтерна, с которой были связаны надежды на финансовую стабилизацию (военные расходы России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – 1 113 млрд. руб. – вдвое превысили годовой бюджет государства – 600 млн. руб. (!), понизив курс рубля с 86 коп. в 1875 г. до 63 коп. в 1878 г.¹³ Во-вторых, частные компании (естественно ориентированные на получение прибыли) игнорировали менее доходные, но стратегически важные с точки зрения государства направления железнодорожного строительства. Группа «военных» во главе с Милутиным, осознав уязвимость стратегии модернизации, основанной на принципе коммерческой выгоды, активно поддержала «инженеров», что привело к частичной коррекции предложений Рейтерна, к патронажу железнодорожного строительства государством.

Таким образом, трудности превращения групп интересов в фактор российской политики носили объективный характер: значительная протяженность территории, постоянная нестабильность, неблагоприятные природно-климатические условия и т. п. ограничивали диапазон совпадений интересов государства и частных экономических субъектов, способствуя укреплению позиций государства в качестве ведущего политического актора. Это обстоятельство налагало объективные ограничения на обращение к инновационной модели образования элит. Она «пробуксовывает», когда речь идет об обеспечении стратегических интересов государства в условиях дефицита ресурсов, значительных масштабов территории и внешних угроз; ее реализация возможна лишь в относительно благоприятных условиях. Затраты и усилия, требуемые для достижения целей развития России, неподъемны для сколь угодно мощного «частного подрядчика», они сильны только государству.

¹³ *Российские самодержцы. 1801–1917.* М., 1994. С. 208.

Помимо геоэкономических и геополитических ограничений использованию инновационной модели мешали и внутривнутриполитические причины. Из-за слабости русской буржуазии группы интересов оставались маловлиятельными политическими акторами, а верховная власть в лице государства не была готова к либерализации. К тому же ей сопротивлялись противоположные, но могущественные политические силы – правый и левый радикализм. К.Д.Кавелин писал в 1866 г., что правительство имеет «оппозицию, преимущественно принадлежащую молодому поколению, с нигилистическим характером; и оппозицию ... ультраконсервативную, аристократическую»¹⁴.

¹⁴ Зайончковский П. А. Записка К. Д. Кавелина о нигилизме // Исторический архив. Т. V. Л., 1950. С.334.

Рупором правого радикализма стала группа П.А.Шувалова, отражавшая интересы земельной аристократии – поместного дворянства. Оно оказалось под двойным ударом – со стороны экономически активных групп, «выдавливавших» дворянство из привычной экономической ниши, и со стороны либеральной бюрократии, вытеснявшей земельную аристократию из активной политики. Хотя доминирующим основанием консолидации группы Шувалова была идеология, тем не менее ее, как и группу «константиновцев», можно рассматривать в качестве переходной структуры, сочетавшей черты клиентелы и идеологически консолидированного сообщества. Шувалову удалось не только добиться выдвижения своих протеже на ключевые посты в структуре властного истеблишмента (министры внутренних дел, юстиции, железных дорог, просвещения), но и получить на посту шефа жандармов в 1866–1874 гг. чрезвычайно широкие полномочия, что дало основания современникам называть его Петром IV. Однако, несмотря на очевидный успех Шувалова, консервативный поворот правительственной политики был обусловлен, скорее, радикализмом слева – действиями революционной интеллигенции, выступившей в качестве контрэлиты. Левый радикализм заблокировал возможность трансформации мобилизационной модели элитообразования.

Таким образом, реформы 1860–1870-х годов ускорили процессы образования групп интересов и групп влияния в российской политике. Однако эти процессы протекали достаточно медленно, о чем свидетельствуют слабость институционализации, отсутствие инфраструктуры и соответствующей политической культуры – традиции политического компромисса. И все же, несмотря на медленные темпы, необратимость возникновения групп интересов в политической истории России была очевидна.

Следующий этап, связанный с ростом их влияния в обществе, относится к началу XX в. – времени промышленного подъема. Этот период характеризуется активизацией, в том числе политической, групп интересов крупного бизнеса. С одной стороны, предпринимательские структуры искали возможностей влияния на властный истеблишмент, с другой – шел активный процесс «обуржуазивания» бюрократии. Причем поскольку в России крупный бизнес всегда был зависим от государства, именно второй путь рассматривался в качестве предпочтительного для обогащения и обретения влияния на политическую власть.

Предельно откровенно позицию бюрократии, ориентированной на предпринимательство, сформулировал министр финансов при Александре III И.А.Вышнеградский: «Ну, батюшка, да казна же на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовывает?»¹⁵. Не случайно за несколько лет нахождения на посту министра финансов Вышнеградский удвоил свое состояние, которое в момент его отставки в 1892 г. оценивалось в 2 млн. руб.¹⁶. Еще более скандальной была репутация директора Горного департамента Министерства государственных имуществ в 1891–1896 гг. К.А.Скальковского: факт его тесного «сотрудничества» с Ротшильдами был широко известен даже в правящих кругах. Особенно тесным «сотрудничество» бюрократии с частным бизнесом стало в период роста железнодорожного строительства.

Вообще феномен бюрократического предпринимательства возник в России не в XX в., а значительно раньше: среди чиновников, активно сотрудничавших с частным капиталом, в разное время были министр иностранных дел при двух императорах К.В.Нессельроде, министр финансов А.А.Абаза, министр путей сообщения В.А.Бобринский, его преемник на этом посту в эпоху правления Александра II А.А.Бобринский, крупный чиновник Министерства путей сообщения А.И.Дельвиг и многие другие. В конце XIX в. сложилась традиция горизонтального элитного рекрутирования – перехода в предпринимательские структуры видных сановников. Среди них – Я.И.Утин (директор одного из департаментов министерства юстиции), Н.Н.Кутлер (товарищ министра внутренних дел, впоследствии министр земледелия и землеустройства), А.И.Путилов (товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками), А.И.Вышнеградский (вице-директор «Особенной канцелярии по кредитной части») и др. Что касается реального политического влияния крупного бизнеса, то буржуазия не смогла сменить бюрократию, стать правящим классом российского общества и ведущим политическим актором, в силу как объективных, так и субъективных причин.

В ряду объективных обстоятельств назовем прежде всего дефицит капиталов. Р.Пайпс обоснованно отмечает, что буржуазия есть «класс, имеющий деньги, а, как известно, в России денег в обращении никогда много не было... Нехватка денег была достаточной причиной для задержки появления в России богатого класса, сравнимого с западной буржуазией эпохи классического капитализма»¹⁷.

Даже в период промышленного подъема страна была бедна капиталами: по подсчетам С.Ю.Витте, общая сумма финансового капитала России составляла порядка 11 млрд. руб., из которых половина имела иностранное происхождение, в то время как в Германии и Франции движимые ценности превышали 30 млрд. руб., в Англии – 60 млрд. руб.¹⁸. К 1917 г. общий капитал промышленных и торговых компаний (за исключением банков и железных дорог) был равен примерно 2 млрд. долл. (тогда как совокупный капитал компаний Великобритании, страны с населением в три раза меньшим, чем Россия, – 12 млрд. долл.), что составляло одну девятуго часть капитала, инвес-

¹⁵ Цит. по: Лаврычев В.Я. *Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900.* М., 1974.

¹⁶ *Комментарии Ананича Б.В. и Ганелина Р.Ш. к 1 тому «Воспоминаний С.Ю.Витте».* М., 1960. С. 541.

¹⁷ Пайпс Р. *Россия при старом режиме.* М., 1993. С. 253.

¹⁸ *Кризис самодержавия в России. 1895–1917.* Л., 1984. С. 17–18.

¹⁹ Уткин А.И. *Вызовы Запада и ответ России*. М., 1996. С.131.

²⁰ Гиндин И.Ф. *Русские коммерческие банки*. М., 1948. С.256.

²¹ Лаверычев В.Я. *Крупная буржуазия в пореформенной России*. 1861–1900. М., 1974.

²² Федотов Г. *Революция идет // Судьба и грехи России*. СПб, 1991. Т.1. С. 152.

²³ Пайнс Р. *Указ*. соч.С. 290.

тированного в США только в железные дороги. Капитал лишь одной корпорации США – «Юнайтед стил корпорейшн» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России¹⁹. Кроме того, военные приготовления России, хотя и отставали по темпам и качеству от усилий европейских конкурентов, поглощали непропорционально значительные средства: в 1907–1913 гг. только прямые военные расходы составили 4,36 млрд. руб., что вдвое превысило прирост акционерных капиталов в 1902–1914 гг. К этому следует добавить затраты на поддержку помещичьих хозяйств и проведение столыпинской аграрной реформы, которые также превышали приток капиталов в акционерные банки и предприятия в предвоенные годы²⁰.

Субъективные причины слабости групп влияния, созданных в среде крупного российского капитала начала XX в., связаны прежде всего с их зависимостью от государства (отсюда и властобоязнь). Геополитическое и геоэкономическое положение России требовало сосредоточения национального богатства в руках государства, по сравнению с ним самые значительные личные состояния «теряли вес». В этом же контексте следует упомянуть хронический финансовый дефицит, определявший потребность русского торгово-промышленного класса в протекционистской политике государства. Исследование В.Я.Лаверычева²¹ показало, что в отношении буржуазии к государству и в XIX, и в XX в. доминировали протекционистские требования защиты от европейских конкурентов, прежде всего немецких. Русский торгово-промышленный класс мечтал не о политических свободах, а о покровительственных тарифах. «Протекционизм был, конечно, необходимой теплицей для русской промышленности, но в ее банной температуре атрофировалась политическая воля»²².

Отсюда – политическая слабость российской буржуазии. «Это политическое бессилие вытекало... из выработанного многовековым опытом убеждения, что путь к богатству в России лежит не через борьбу с властями, но через сотрудничество с ними, и сопутствующего ему мнения, что, когда претенденты на политическую власть воюют друг с другом, умнее всего будет отойти в сторонку»²³.

Очевидно, что предпосылки отказа от мобилизационной модели развития могли возникнуть лишь в случае готовности потенциального субъекта инновационного развития – буржуазии – взять власть. Однако российская буржуазия продемонстрировала неспособность не только завоевать, но и удержать власть, когда в феврале 1917 г. она, подобно зрелому плоду, упала к ее ногам.

Косвенной причиной слабой политической консолидации российской буржуазии было преобладание в ее структуре торговых элементов над промышленными и ремесленными (в 1905 г. это в процентном отношении составляло 87:2:11). По социальному составу более 80% предпринимателей были выходцами из старых городских сословий (купцы, мещане, ремесленники), из сложившихся сословных организаций, что определяло их слабую заинтересованность в общебуржуазном классовом представительстве. В этом одна из при-

чин недостаточной артикуляции общеэкономических интересов и недостаточной политической консолидации.

По мнению современного исследователя российской буржуазии начала века А. Боханова, «применительно к России само понятие «предпринимательские круги» следует скорее воспринимать как историческую метафору, чем определение некоего конкретного, связанного общностью интересов, целей и мировоззрения сообщества. Были банкиры, промышленники, торговцы, биржевики; существовали различные организации по отраслевым, региональным и даже общеимперским интересам, но почти везде, в том числе и в наиболее значительной организации – Совете съездов представителей промышленности и торговли, центробежные силы сплошь и рядом доминировали над центристскими, а текущие интересы и потребности преобладали»²⁴.

²⁴ Боханов А. *Деловая элита России*. М., 1994. С. 272.

Созданные со значительным запозданием для выражения интересов предпринимателей политические партии не были собственно буржуазными не только по социальному составу, но и по идеологии и избранной тактике. Претендовавший на представительство крупной буржуазии «Союз 17 октября» (который обоснованно называли «партией последнего правительственного распоряжения») никогда не был чисто буржуазной партией ни по программе, ни по социальному составу – в нем преобладали (и не только численно) помещики.

Слабость буржуазии как политического актора не в последнюю очередь объяснялась ее внутренней разобщенностью. Линии расхождений были многочисленными, но возобладали противоречия между петербургской финансово-олигархической группой, тесно связанной с высшей бюрократией и иностранным капиталом (А.И.Путилов, А.И.Вышнеградский, Е.Г.Шайкевич, Э.Л.Нобель, Я.И.Утин и др.), и московской группой (П.П. и В.П.Рябушинские, А.И.Коновалов, А.И.Гучков, С.Н.Третьяков, С.И.Четвериков, Н.Д.Морозов и др.), отстраненной от выгодных заказов (а значит, и прибылей). Она претендовала на роль выразителя интересов не только московской, но и провинциальной буржуазии. Основой усиления петербургской группы в 1914–1916 гг. стали военные заказы, а также устранение конкурентов-немцев. От обоих этих источников московская буржуазия, в том числе и в связи с ее оппозиционностью, была оттеснена.

Буржуазия оказалась между «наковальной» самодержавия и молотом натиска внеэлитных слоев. К последним либеральная оппозиция никогда не обращалась за поддержкой, справедливо опасаясь стать detonатором взрыва, который сметет не только монархию, но и ее саму.

В связи с вышеизложенным представляется правомерной констатация А. Боханова: «Русские капиталисты не успели и не смогли стать альтернативной социальной силой, способной объединить конструктивные элементы общества, и сошли с исторической арены вместе с самодержавной властью. Этот известный итог существования не был исторически запрограммирован, но оказался обусловленным всем ходом общественного развития, теми формами и тем уровнем, которые его характеризовали»²⁵.

²⁵ Боханов А. *Указ. соч.* С. 273.